

Э.Л. Трикоз

Музей-квартира В.И. Белова (Вологда)

ПАРИЖСКОЕ ИЗДАНИЕ С БЕЛОВСКИМИ ПОМЕТАМИ

Статья о вологодских писателях и особенностях читательских помет В.И. Белова в книгах представляет собой продолжение разговора, начатого редактором журнала Л.В. Егоровой с В.В. Есиповым во втором номере «Вестника Вологодского государственного университета» в 2021 году [4]. На материале нескольких книг из коллекции Музей-квартиры В.И. Белова показано, какие эмоциональные и диалогические маргиналии оставлял в книгах В.И. Белов. Часть документов впервые вводится в научный оборот.

В. Белов, В. Шаламов, Вологда, Музей-квартира В.И. Белова, русский писатель, музейный фонд.

На межрегиональной научно-практической конференции «Фон и фигура» в 2020 году Музей-квартира В.И. Белова впервые представил результаты изучения библиотеки семьи Беловых в докладе «Любимые книги В.И. Белова: истории книг, заметки на полях». Большинство представленных помет и комментариев были сделаны рукой писателя Василия Ивановича Белова. В опубликованном в «Вестнике ВоГУ» отчете о конференции кандидатов культурологии Л.А. Якушевой и Н.А. Дидковской «Фон и фигура: книжное измерение» коротко и образно было отмечено: «Рукописные заметки в печатных текстах, являющихся круг чтения писателя, беспрецедентны по своей искренности и доверительности: литературные сочинения, письма, даже дневники – все это создается в горизонте будущего читателя, и только эти наброски на полях, “записки на манжетах” фиксируются для “внутреннего употребления”, отражают личность творца в ее “закулисной”, обыденной ипостаси» [1, с. 117].

Личность писателя в ее «закулисной и обыденной ипостаси» в ближайшие годы предстоит еще изучить. В 2020 году сотрудниками музея были лишь завершены учет и первичное описание библиотеки семьи писателя. Самый подробный разбор помет был сделан на примере одной книги пока в единственной научной статье М.А. Марковой «Пометы В.И. Белова в неоконченной повести А.С. Пушкина “История села Горюхина”», материалы были представлены на Беловских чтениях в 2017 году [2, с. 251–258]. По пушкинскому тому из книжного фонда Музей-квартиры В.И. Белова [3] не удалось установить точное время появления маргиналий и помет, однако, по словам автора статьи, вариативность почерка и разность использованных для написания средств позволяют судить о том, что писатель возвращался к книге по меньшей мере четыре раза. На полях есть записи и вертикальные подчеркивания черными чернилами, маргиналии и пометы красной и черной пастами шариковой ручки.

Фондовое издание А.С. Пушкина позволило показать все тематическое разнообразие беловских помет, в частности: «пометы исследовательского характера (интонационные); подчеркивания и маргиналии, свя-

занные с сатирическим содержанием текста; подчеркивания и подчеркивания описаний жизни крестьян; пометы автобиографического характера; “публицистические” пометы; пометы-анalogии; диалогические маргиналии, возникшие в разное время, но подкрепляющие друг друга по смыслу и содержанию» [2, с. 252]. Пометы свидетельствуют о том внимании, с которым было прочитано произведение, о проделанной работе, которая была связана в первую очередь с установлением писателем некоторых аналогий. Судя по датировке некоторых помет, работа эта не являлась одномоментной, а была растянута во времени. Белов часто возвращался к одной и той же книге несколько раз, при этом фиксируя каждый раз на полях иные эмоциональные переживания, найденные несоответствия и др. Безусловно, данная работа может послужить основой для дальнейших подобных исследований.

В других музейных статьях и устных научных докладах (2018–2021 гг.) давалось лишь краткое описание найденных помет. Отдельные приводились в качестве иллюстраций работы В.И. Белова с текстом книги, беловского читательского эмоционального реагирования и др.

Для молодого музея затронутая тема очень актуальна. Трудно даже пока представить, сколько предстоит решить вопросов, связанных с научным исследованием библиотеки писателя, сколько рукописного текста хранится в библиотечных томах, понять, возможно ли будет на материале этих помет смоделировать, хотя бы косвенно, процесс писательской эволюции, найти в записях неизвестные факты из жизни прозаика, поэта, публициста. Очевидно, беловская библиотека хранит книги, прочитанные в разные жизненные периоды. В записях и пометах, сделанных в книгах 1950–1960-х, Белов – молодой читатель, ученик вечерней школы, студент Литинститута; записи в книгах 1960–1970-х отражают уже характер Белова-писателя, друга Шукшина и Заболоцкого и т.д. Почерк на страницах изданий варьируется (по разным причинам), меняется психофизиологический, возрастной, социальный статус писателя. Не случайно подобная исследовательская тема при первом приближении сразу видится необъятной.

Следует обратить внимание еще на то, что после уже описания библиотеки и внесения в Государственный каталог РФ всех известных историй о беловских книгах в музей прилетают новые истории – о когда-то оставленных В.И. Беловым книгах, например в редакциях газет, у товарищей, в московской квартире у дочери и проч. А сколько книг В.И. Белов потерял, сколько оставил в старых квартирах во время переездов (у Василия Ивановича было пять вологодских адресов проживания)! В этой связи рассказ Валерия Васильевича Есипова [5, с. 59] о книге «Воскрешение лиственницы» (Париж, издательство «ИМКА-Пресс», 1985 г.), привезенной Беловым из Парижа, является продолжением темы помет, причем помет, оставленных известным писателем.

Запомнившиеся В.В. Есипову эмоциональные записи на полях «Четвертой Вологды» в духе писательских: «русофоб!!!», «как ненавидит Россию!!!», «Чаадаев!!!». Российский исследователь биографии Шаламова предметно объяснил эту эмоциональность: «Как я понимаю, эти негодующие оценки текста Шаламова отражали тогдашние, времен “перестройки”, умонастроения В.И. Белова, и это было неудивительно, т.к. автор “Привычного дела” и “Канунов” всегда защищал русское крестьянство, а со временем стал агрессивным антизападником и сторонником теории “жидомасонского заговора” против России» [5, с. 59]. Однако, судя по тому, что встретилось в библиотеке писателя, зафиксированная на письме беловская читательская рефлексия вообще отличается эмоциональностью и диалогичностью.

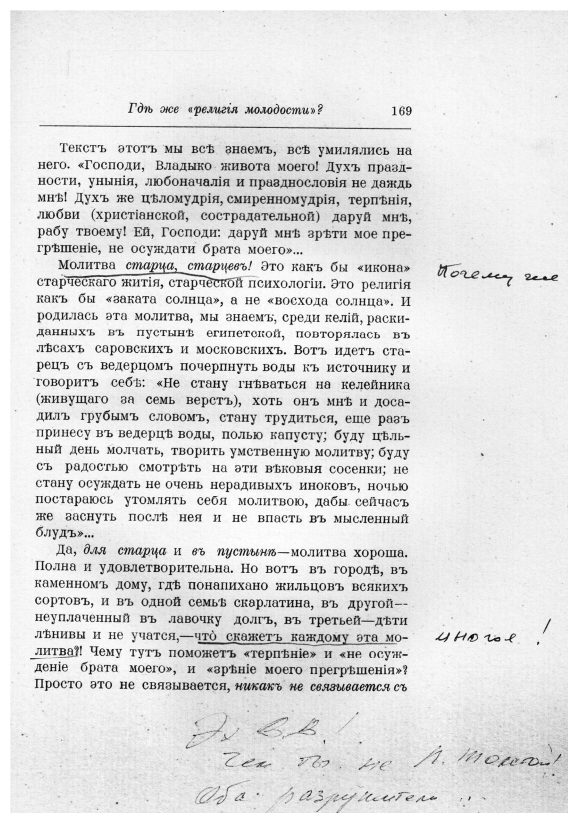
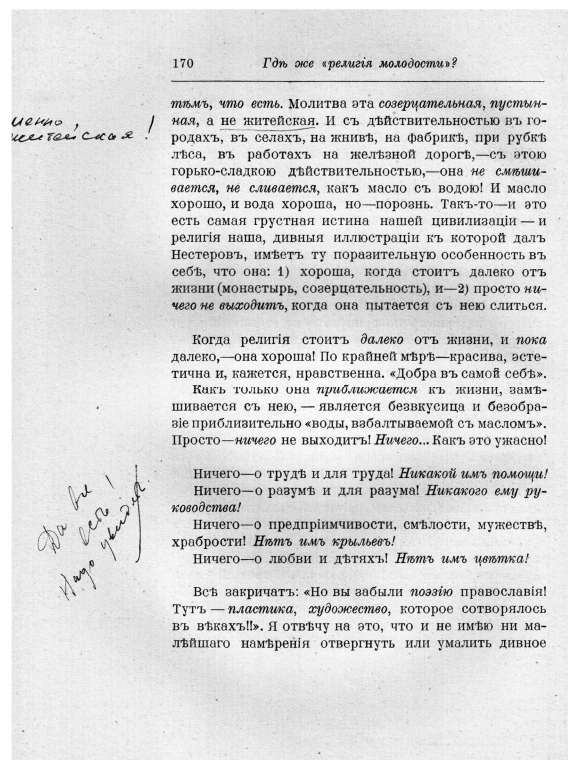
Подобные по стилистике и эмоциональной окраске записи на книжных полях встречаются, например, в изданиях В.В. Розанова «Среди художников» (СПб., 1914 г.), Н.А. Бердяева «Русская идея» (Париж, YMCA-PRESS, 1971 г.), А.Ф. Лосева «Эстетика Возрождения» (М., «Мысль», 1978).

Из первой: «Почему же?», «многое!», «Эх В.В! Чем ты не Л. Толстой? Оба разрушители» [7, с. 169]; «Именно, житейское!», «Да всё есть! Надо увидеть» (Там же, с. 170); «Не правда! Сложили!» (Там же, с. 171); «всё не так» (Там же, с. 172); «Не правда, В.В.!»; «Есть! А в пр.р. они тоже видны!» (Там же, с. 173); «Вот на чём «чокнулся» Розанов – на эротике!», «Другой уже Розанов» (Там же, с. 174).

Из книги А.Ф. Лосева «Эстетика Возрождения», например: «Наоборот: науке надо возвышаться до живописи (И никогда не возвысится)» [8, с. 272]; «а не искусства»; «как будто без перспективы оно не было интимным» (Там же, с. 273); «от чего? от самого себя?»; «а зачем автор сопоставил его с неоплатонизмом?»; «нет, не трудно»; «Все атеисты вынуждены выдумывать новые термины. И всё наука...» (Там же, с. 366).

В книге Н.А. Бердяева только по сохранившимся завершениям предложений и оставшимся на полях кратким словам и репликам понятна эмоциональная вовлеченность писателя в содержание текста. Большая часть записей в этой книге пропала. Ольга Сергеевна Белова, увидев критические эмоциональные беловские комментарии на страницах, решительно обрела исписанные поля маникюрными ножницами, которые были под рукой. Это известно с ее слов (ин-

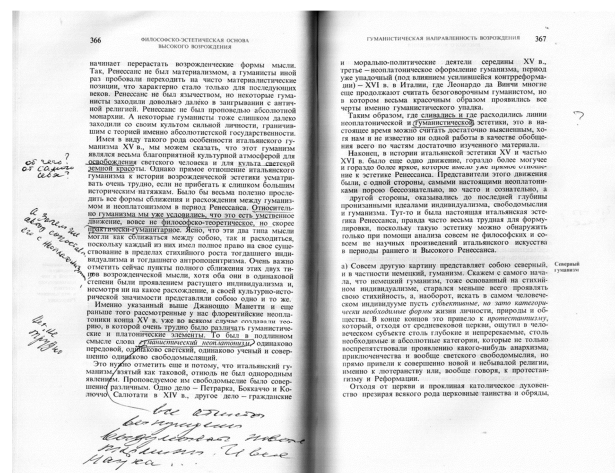
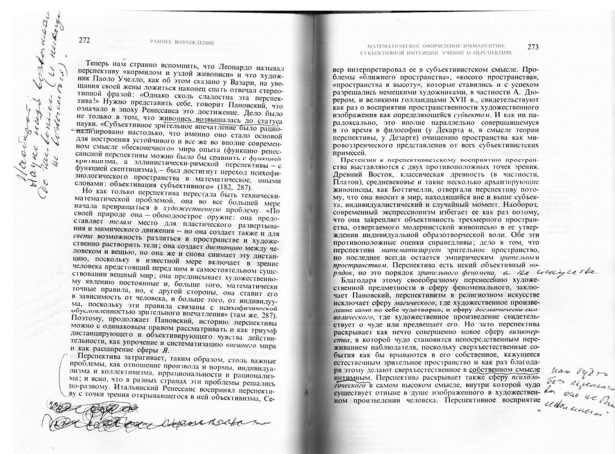
тервью в музее в 2017 г.). В то время она сказала Василию Ивановичу: «Вася, нас ведь всех за это посадят!» По этой причине книга хранится в фонде с частичной утратой полей и беловских помет.

Фотографии страниц с пометами Белова из книги В.В. Розанова «Среди художников» (СПб., 1914 г.)

В.В. Есипов отмечает: книги из библиотеки писателя ходили по рукам. Новинки и редкие издания Бе-

ловы, действительно, давали для чтения друзьям, товарищам, родственникам. К слову сказать, неоднократно жена писателя Ольга Сергеевна рассказывала, как на протяжении долгого времени вела даже тетрадь со списком выданных книг, как библиотекарь. Это делалось, говоря ее словами, «для порядка», чтобы книги из библиотеки семьи возвращались обратно.

Фотографии страниц с пометами Белова из книги А.Ф. Лосева «Эстетика Возрождения» (М., «Мысль», 1978 г.)

О.С. Белова из поколения тех советских учителей, которые всем своим существом несли эталонный образ учителя, с высоким уровнем самодисциплины, ответственности за окружение. В этом образе – учитель везде и всегда учитель, даже вне школы. Насколько Василий Иванович мог вмешиваться в организацию этой дисциплины – вопрос открытый. Ясно одно – границы приватного и общественного у Ольги Сергеевны были очень хорошими, Василий Иванович, находясь в своих творческих и общественных вихрях, порой мог их сдвигать.

Некоторое время Ольга Сергеевна хранила эти списки, а после передачи коллекции Кирилло-Белозерскому историко-архитектурному и художественному музею-заповеднику временно держала у себя. В связи с поднятой в научном журнале историей одной книги становятся интересными следующие вопросы: кто был читателем библиотеки писателя, кто был в списке тех, кто не возвратил книги и по каким

причинам, какие книги пользовались популярностью, какие не выдавались на руки? Подобные истории многое бы рассказали как об отдельных книгах из библиотеки Беловых, так и о читательских пристрастиях окружения писателя, отношении к автору и проч.

Писатель Василий Иванович Белов в Версале, 1976 г.

Парижское издание «Воскрешения ливентинцы» В.Т. Шаламова в музейном фонде отсутствует, зато есть издание «Художественной литературы» 1989 года. И оно без беловских помет, в хорошей сохранности. Любопытно было бы сейчас полистать текст шаламовской «Четвертой Вологды», испещренный недодуманными пометками Белова на полях, не только музейным исследователям, но и литературоведам, историкам, культурологам. И В.В. Есипов отмечает важность этого издания: «Полагаю, парижское издание с его пометами нужно найти: это важный исторический документ, зафиксировавший первую и крайне пристрастную реакцию на «Четвертую Вологду» и на Шаламова в целом в его родном городе в эпоху бурных перемен общественного сознания» [5, с. 59].

Из истории В.В. Есипова следует, что книга была привезена писателем из Франции, однако, как нам известно, Белов не был там после 1985-го года, где находилось тогда издательство и большой книжный магазин. Белов во Франции «бывал раза три» [6]. В музейном фонде сохранились лишь фотографии 1975 и 1976 годов. Однако нам известно, что в 1987 году Белов был в Германии, где получил в дар от эмигрировавшей в Германию в 1980-м году поэта, переводчика, актрисы Эллы Опальной (Ницберг) несколько книг издательства «YMCA-PRESS» – четыре тома Н.А. Бердяева. В одной из этих книг был инскрипт: «Великому печальнику за / нашу Россию, / одному из моих самых любимых писателей, / самобытному и

непокорному / Василию Ивановичу (не Чапаеву, но Белову) от Эллы Ницберг / с огромной радостью / встречи... почему-то Дортмунд, 21 марта 1987 г. Германия. День весеннего равноденствия» [9]. Все подаренные книги были выпущены в Париже. В мемориальной комнате Ольги Сергеевны Беловой они стояли на одной полке («Смысл истории» (1969), «Философия неравенства» (1970), «О рабстве и свободе человека» и «Русская идея» (1971)) и, по словам жены писателя, были подарены в одно время, сразу все четыре. Можно предположить, что и недавно вышедшее тогда в свет «Воскрешение лиственницы» издательства «YMCA-PRESS» было привезено именно из этой заграничной поездки, однако предположение требует еще дальнейших исследовательских действий.

Литература

1. Якушева, Л. А. Фон и фигура: книжное измерение / Л. А. Якушева, Н. А. Дидковская // Вестник ВоГУ. – 2020. – № 2 (17). – С. 116–117.
2. Маркова, М. А. Пометы В. И. Белова в неоконченной повести А. С. Пушкина «История села Горюхина» / М. А. Маркова // Беловский сборник. – Вологда : ВолНИЦ РАН, 2017. – Вып. 3. – С. 251–258.
3. Пушкин, А. С. История села Горюхина / А. С. Пушкин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 10 томах. Т. VI. Художественная проза. – Москва : Наука, 1964. – 840 с.
4. Есипов, В. В. Варлам Шаламов и вологодские писатели / В. В. Есипов, Л. В. Егорова // Вестник ВоГУ. – 2021. – № 2 (21). – Ч. 1. – С. 33–41.
5. Есипов, В. В. Варлам Шаламов и вологодские писатели / В. В. Есипов, Л. В. Егорова // Вестник ВоГУ. – 2021. – № 3 (22). – Ч. 2. – С. 53–60.
6. «Происходящее сегодня – это маскарад...» / интервью провела Н. Белоцерковская // Посев. – 1992. – № 1. – С. 41–46. – URL: <https://www.booksite.ru/belov/interview/8.htm> (дата обращения: 21.01.2022). – Текст : электронный.
7. Розанов, В. В. Среди художников / В. В. Розанов. – Санкт Петербург, 1914. – 499 с.
8. Лосев, А. Ф. Эстетика Возрождения / А. Ф. Лосев. – Москва : Мысль, 1978. – 623 с.
9. Бердяев, Н. А. Смысл истории: опыт философии человеческой судьбы / Н. А. Бердяев. – Paris : YMCA-press, 1969. – 268 с.

E.L. Trikoz

PARISIAN EDITION WITH BELOV'S NOTES

The article is about Vologda writers and specific features of notes made by V. Belov in the books. It follows the conversation started by the journal editor L. Egorova and V. Esipov in the second issue of the Bulletin of Vologda State University in 2021. The article analyses emotional and dialogic marginal notes left by V. Belov in the books. It is based on the material of several books from the collection of the Vasily Belov memorial flat. Some of the documents are introduced for the first time.

V. Belov, V. Shalamov, Vologda, the memorial flat of Vasily Belov, Russian author, museum collection.